18+

Арсений
Станиславович
Булгаков

Старый молот

Арсений Булгаков

Старый молот

«Издательские решения»

Булгаков А. С.

Старый молот / А. С. Булгаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-657968-2

«Старый молот» — метафора разрушения, уничтожения старых убеждений, старых представлений о мире. Роман бросает вызов устоявшимся нарративным структурам — здесь нет ответов,. Есть лишь постоянное движение, постоянное изменение, постоянное разрушение. Каждое слово в тексте искажается происходящими событиями. Это своего рода анти-роман деконструющий реальность и не оставляя ничего после себе, словно после удара страшного молота. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-657968-2

© Булгаков А. С.
© Издательские решения

Содержание

Вместо эпиграфа 6
Глава 1. «Исход» 7
Глава 2. «Расход» 14
Глава 3. «Движение с Запада на Восток» 19
Глава 4. «Восход» 27
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Старый молот

Арсений Станиславович Булгаков

© Арсений Станиславович Булгаков, 2025

ISBN 978-5-0065-7968-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо эпиграфа

Куда двигаться и в кого размножаться? Для чего камни разбросаны на тысячи километров по всей Земле? Дни сменяли друг друга, как поломанный калейдоскоп – милая детская игрушка, словно в страшном фильме: как ни крути её, показывало всегда черное. Всё застыло за гигантскими стеклянными изваяниями, а гротескно пробивающие недоступные облака шпили так и не достигли эдемских кущ. Прекрасные сооружения прошлого уже перестали хранить какие-либо тайны. Колесница богов оказалась простым и понятным механизмом, вызывающим удивление только у детей, которые быстро становились взрослыми. Эти достопримечательности навевали только грусть и печаль стареющему человечеству. Когда-то они делали что-то монументальное, потрясающее, ослепляющее, делали всё, чтобы обессмертить себя. С личным бессмертием, как известно, вышло глубокое несчастье, а человечество, прожив уже столько лет, просто не знало, куда себя деть, как причитающая бабка, она всё ходила и тяжело вздыхая, вопрошала у вечности – когда же уже придет конец? А он всё не приходил, и длинные тяжёлые дни тянулись под знаком черного круга: не дети солнца, а отпрыски черной дыры.

Дверь предательски гнулась, глуша доносящиеся с обратной стороны звуки ударов и бесперебойный мат. Уже через несколько секунд перед Брутто развернулось настоящее театральное представление: ОМОН ворвался через хиленькую тоненькую грань, ложа в пол всех находившихся в квартире. Всё, что он помнил: тяжёлый удар в голову, окончательно лишивший остатки сознания, и летающую по комнате яркую сферу, издававшую натужный звук «Сегодня были задержаны…»

Глава 1. «Исход»

Жара и яркость – ярость солнца; гигантское количество отражающих поверхностей было в тайном сговоре с тяжелой поступью болезни. Она медленно от нервных окончаний шла к органам по венам и вскоре должна была дойти до головного мозга. Когда это произойдет, то сонливость, усталость и боль снова возьмут тело в осаду. Окружающий дивный старый мир только способствовал этому процессу. Мало-помалу, но каждый шаг на солнце давался труднее. Единожды вступив под солнце, более нет желания укрыться в тени, и нет мочи взглянуть на него прямо. А как было прохладно в пещере! Там была и родниковая вода, и столько места для фантазии, и так много стен для дегенеративного искусства. Остаться бы дома, и деревянными балками заколотить двери и окна, укрыть окна тяжелыми шторами, и беззаботно смотреть на ящик с интерпретациями других, который специально создан для таких моментов жизни. Однако жизнь вносит свои коррективы: «Брутто» должен был предоставить справку о том, что давно слез с тяжелых наркотиков и с чистой совестью, но не венами, имеет право устроиться на работу. Хоть и дело это, определённо бесполезное, как и все прочие бумажные заморочки великого бумагопрестольного царства. В действительности, человека, который не смог соскочить, и так видно сразу, он похож на гниющий овощ с характерным запахом, а кожа его выглядит так, словно неумелый дубильщик обтянул чей-то череп, да и ненароком перетянул, так что виднеются куски заветренного мяса. И, конечно, не нужно никакой справки: такого зомбибоя и так не возьмут на работу. Брутто, редко пробующий и единожды попавшийся на одной из диких бездумных вечеринок, должен был высиживать в очередях бесконечное количество часов.

Кто говорил, что времени нет, что летящая стрела на самом деле не летит, был чертовски прав: именно такую свою характеристику время обнаруживает в больничных очередях. Здесь действительно черепаха не обгонит Ахилла, поскольку тут нет никакого движения, только статика в своем совершенном виде. Да и тем более, не важно, как ты быстро бегаешь, очередь движется со своей скоростью, игнорируя индивидуальные возможности, и бессмертие Ахилла не помогло бы ему, ведь в очереди так много обладающих ядом и бьющих в слабые места.

Конечно, Брутто было грех жаловаться. Сплелись бы нити мойры как-нибудь иначе, сведи они его с каким-нибудь майором с желанием стать майордомом, и он оказался бы в куда более худшем пространстве на более длительный временной отрезок, хотя последнее предельно спорно. Так или иначе, но он стойко маршировал по пылающей от лета набережной, а вокруг него чуть ли не в духе «Весны Священной» кружились веселые и беззаботные граждане, радующиеся погоде и нежности природы. Они кружились на зеленеющих аллеях и рядом со свежеокрашенными дешевой эмалью заборами, среди древних скульптур и домов, вдыхая смрад затлевших и влажных подвалов, в которых уже не одно поколение бездомных проводило славные деньки.

Общее приподнятое настроение только угнетало Брутто. В конце затяжного пути он в очередной раз поднимал глаза, буквально щупая окружение, пытаясь отыскать табличку с названием. Его шея хрустела, и блеск начищенных букв, ослепляя, сообщал: «Наркологический кабинет №25». Полуразбитые стены из кафеля, замызганные бетонные лестницы, отколовшиеся по краям, которые вот-вот должны низвергнуться в тартар. Брутто искренне верил, что такие здания сразу строились поломанными, как отдельный архитектурный стиль – арт-стагнация. Всё было увядшим, обветшалым, напоминавшим цветы, которые забросили. Врачи и медсестры вторили обстановке

Груди их свисали до пола, а череда черных, как уголь, и редких усов скрежетали о потолки и стены. Казалось, что еще немного, и они окончательно потеряют человеческий вид, превращаясь в живое воплощение инсмаутской внешности. Врачи и медсестры, словно каракатицы,

разбегались при виде человека не из своего круга; слово «пациент» звучало из их уст как шипящее проклятье. Они тут же стремились забиться в темные углы, куда не проникал свет через мутные и толстые больничные стекла.

Этаж, на котором находился кабинет дежурного врача для неотложной скорой помощи, был похож на вековые заброшенные улии пустотных пчел, изымавших из эфира пустоту и наполнявших ею свои полые соты. Мимо Брутто пыталось пронырнуть хтоническое существо исполинских размеров, состоящее будто из желе. Она не смотрела на него и явно старалась пройти мимо в другой плоскости, желанно посматривая на потолок и стены. На его вопрос она бросила фразу, будто одну букву: «Онналекции», и тут же умчались, нелепо перебирая маленькими и слабыми ножками, на которых громоздился гигантский мясной шарик, неряшливо стянутый кожей.

Больничный воздух можно было практически взять и вручную разделить на составляющие: вот облако лекарств, антибиотиков, йода и спирта, запах марли, сквозь который прорывалась гнилая кровь, металлический привкус которой Брутто чувствовал в самой глотке.

Брутто, как мог, старался демонстрировать своё безразличие: отсутствие восхищения, удивления, сомнения, полное абстрагирование, показывая свою псевдоатараксию или глубокий аутизм. Он старался исключить пространство, где она находилась, из поля своего восприятия, будто там была черная дыра – солнце, на которое нельзя смотреть, поскольку помнил самое главное правило: не смотри в бездну, ведь она ответит тем же. Выяснять что там внутри, под илом бреда, он не собирался.

Полтора часа минули, словно полтора века. Это не очередь в кабинет, а чистилище: не отвратительного ада и не радостного рая, а одно безмятежное лимбо. Говорят, что служивым при обороне Севастополя считали день службы за три, в таком случае Брутто можно было дать год за час. Лучше ежеминутно находиться под страхом смерти, питаясь щекочущим чувством острых ощущений, чем наблюдать, как скука медленно, но верно выворачивает наизнанку бессмысленность бытия, обнажая, словно скальпель, противоречия в убеждениях о наличии смысла в жизни.

Брутто постоянно оборачивался к дверному проему с искренними, слезливыми, молящими глазами, надеясь узреть спасение. И вправду, каждый раз, оборачиваясь, он видел девичью тень. Ненароком он думал, что, возможно, это и есть тот врач, который просто ждет, пока сойдут с ума побольше народа, чтобы можно было лечить всех разом – такой особый врач-марксист с экономическим подходом. Или, может быть, врач сам заслушался сумасшедшей женщины, и тогда, наверное, ей самой необходим доктор. Возможно, и Брутто, и обладательница тени желали одного и того же: чтобы та женщина умолкла, сомкнула уста на век, встала и вышла – желательно в окно. Но оно, конечно же, было закрыто, при этом основательно, практически забито досками. Лишь редкие лучи пробивались сквозь толщу мертвых и порубленных деревьев.

Тень то появлялась, становясь резче и четче, то размывалась и исчезала, приближаясь или отдаляясь. Шагов слышно не было, что не удивительно, ведь уши Брутто были залиты до краёв бредовыми речами поехавшей наркоманки. Он запрокинул голову и продолжал смиренно ждать. В его голове проносились суетливые и странные, сбивчивые мысли: «Наркотики, наркотики, алкоголь, сигареты, еда, вода, любовь, счастье, свобода и другие вещи, которые вызывают зависимости, запрещённые на территории Российской…» Его мысли смешивались с пространством, удручающей атмосферой, отколовшейся штукатуркой, плакатами о вреде употребления героина и их последствиях.

Старая и большая телевизионная коробка, что громоздилась в углу, сама, осознавая свою убогость, крутила по циклу видео. Там молодая девушка рассказывала и показывала, как кололась шприцом прямо в пах для получения повышенного наслаждения. Её голос был слаб, а тело, расплющенное на больничной койке, изнемогало от своего пребывания на Земле.

Но каждый раз, когда она условно укалывала себя в промежность, кончики губ её переходили в улыбку, и видео повторялось заново.

В беспорядочном потоке он вспоминал цепочку событий, которая привела его сюда, и о том, что, несмотря на всю чернь того дня, что-то в нем было приятно. Со временем старуха потеряла интерес конкретно к Брутто и начала выступать как профессиональный оратор. Демосфен, услышав её, снял бы колющий его плечо меч и вонзил бы себе в горло. – «А вообще знаете, врачам верить нельзя! Я лечусь только травами и природой, это всё наш народ! Гнилой, поганый народ, ленивый и праздный, хочет, чтобы бац – съел таблетку и выздоровел, чудо хочет! А не бывает так, не бывает, чтобы бац и чудо, поган-н-н-ный народец. Нужно есть корни женьшеня и крапивницы, принимать настои, жрать землю! Я вот вообще никогда не болею, первый раз к врачу, а они все на китайцев работают, крадут органы и продают их за границу!»

Сколько пролетело времени, и куда же запропастился доктор, – восклицал в мыслях Брутто. Приём шёл уже пятый час, дама говорила без умолку, всё более залезая в дебри леса самоубийц, обнажая свой больной разум: «Жри землю, тварь, жри Русь!» – кричала она в истерическом припадке. Брутто вновь повернулся к двери, прямо около таблички «Не курить». Тень, которую он лицезрел на протяжении всего дня, нагло дымила, клубы дыма приобретали объёмность и будто плыли в воздухе с сизым мерцанием. Он невольно сглотнул – Брутто тоже хотел покурить! Но никак не мог уйти, а дерзость теневода чувствовалась даже сквозь стену и плотное марево.

Теперь ему удалось разглядеть край её черного, беспросветного пальто, похожий на фон пиратского флага, подталкивающий к бунту, и выставленную вперёд ногу, обутую в тяжёлые ботинки – женский вариант берцев или армейских сапог. Он был уверен, что время от времени слышал с её стороны короткие и звонкие смешки, будто вырывающиеся помимо воли хозяина. «Забавно, неужто она весь день стоит там? Кто это вообще такая?» – мысли Брутто прервал кажущийся конец истории женщины: «Так или иначе, мой сын, знаете, он заболел, глупая история, и вот мне нужно получить справку о том, что он здоров. Замечательный, умнейший парень». Однако до конца было ещё далеко – дама достала толстую тетрадь и начала её читать, несмотря на то, что никто уже давно не отвечал ей, и даже самые вежливые люди из рода вежливых людей давно смирились и уже перестали обращать на неё внимание. Но Брутто она сводила с ума.

Он вновь взглянул на дверной проём и наконец увидел хозяйку тени. Как только он разглядел её лицо, то вздрогнул и нервно сглотнул. Зрачки Брутто предательски расширились – только сейчас он осознал, насколько тяжело его психическое состояние, каким тяжким бременем на него свалился весь этот день, болезнь и гул из отверстия дамы напротив. Хозяйкой тени оказалась та самая незнакомка, с которой он провёл пару дней на злополучной вечеринке, из-за которой в конечном счёте он и сидел в очереди. Тогда Брутто проводил её и решил вернуться, и только поэтому она не попалась вместе с ним. Никогда он её не видел ни до того, ни после.

Выглядела хозяйка тени также: тёмное пальто, тяжёлые ботинки, монгольские скулы, короткая стрижка, дерзкая и отрешённая поза, в которой она стояла, скрестив ноги, черные непроглядные глаза, тонкие губы, белые и острые зубы. До сих пор на губах Брутто оставались кровавые подтеки. Она усмехалась, курила и манила его, кидая головой в сторону выхода. Он протёр глаза, и она снова пропала в густом табачном тумане.

«Понос должен быть побежден, воришка украл сеф, машину и стеллаж». Говорящая явно уже просто перешла на набор слов, и гносеолог с диалектиком не смогли бы отыскать ни оттенка логики в её бреде. Чувство страха и любопытства брало Брутто изнутри, отгоняя сон и ломоту тела. А мощное удивление, подобно цунами, смывало грязь болезни с прибрежных берегов сознания.

Брутто вновь обернулся – тениводка улыбалась. Она четко выводила каждую букву своими тонкими губами, очерчивая её в пространстве. Благодаря этому, даже без звука было

ясно, что она говорила: «Что отличает тебя от собаки? Быть собой – чудесно, а гости пляшут на наших костях, орбита слетает с криком „Чао!“». Задержанный занимался расфасовкой зелья – по крайней мере, так это понял Брутто. Её губы, щеки и скулы двигались в единой гармонии, в одном порыве эротической мистерии: девичий флирт и христианское таинство. Чем-то она могла напомнить тех женщин, которых за дьявольскую красоту в старые времена сжигали на кострах, пытаясь осветить темное средневековье. Вместо слов слышались смешки – эти звонкие вздохи на высокой ноте шли не столько от губ, сколько от движения глаз. Она отчетливо выводила каждую букву, а в промежутках между предложениями продолжала кивать головой в сторону коридора и делала затяжку, выпуская клубы белесого дыма, которые медленно опускались вниз и плыли по поверхности разбитого кафеля, не касаясь его и не развеиваясь, как плотный утренний туман на берегах Янцзы. Она долго задерживала дым в легких и медленно выдыхала его, словно теплый и влажный пар.

Сумасшедшая вдруг резко прервала своё монотонное бессмысленное бормотание и обратилась к Брутто, коснувшись его плеча костлявой язвенной рукой, покрытой несколькими шрамами, на которой не было большого пальца: «Молодой человек, а вы вообще заходили туда? Ручку дергали? Вдруг там открыто?» – «Иди к Дьяволу!» – произнес он, вставая и широкими шагами направляясь к коридору. – «Не рой другому яму!» – ответила старушка в рифму.

Брутто, следуя за ней, шепотом стал окликать едва знакомый мираж. Девушка не отвечала, а лишь шла вдоль больничного коридора, продолжая порождать пар, словно заведенная дым-машина. Как только Брутто мешкался, она застывала, подобно статуе, и лишь кистью руки манила его за собой, показывая жестами, чтобы он продолжал путь. «Ну никак, никак она не могла оказаться здесь, никоим образом. Да и даже если так, это ерунда, галлюцинация».

– Пойдем, ахха, идем же за мной! – подначивала Брутто тениводка, перебирая манящими пальцами. В коридоре было так тихо, что он слышал, как её пальцы касаются друг друга, издавая нежное трение, словно два листочка соприкасались, сорванные с веточек прохладным ветром в жаркий полдень. «Бегущая по теням» вела его всё глубже в гниющее сердце мертвой поликлиники.

– Чего ты боишься: себя или меня? – кокетливо произнесла она, слегка повернув шею в сторону Брутто.

«С другой стороны, ну галлюцинации и галлюцинация, вполне милая! Я не хочу обижать свою черную монахиню», – поразмыслил Брутто и, решив, что даже если с ним случился крайний случай, не повторять ковринских ошибок, пошел следом. Коридоры, как в страшном сне, подло растягивались до бесконечности.

Брутто шел, не останавливаясь. Иногда Тениводка заворачивала, и на какие-то мгновения он терял её из виду. Но туманный след и запах её сигарет, Брутто мог бы поклясться, что это были те же самые сигареты, что она курила в прошлый раз, подсказывали, куда она свернула. Он шел по тропам, как по лабиринту: все было похоже, но с каждым новым поворотом казалось всё более обветшалым и старым.

Постепенно больничные коридоры превращались в откровенно заброшенные людьми места: выбитые стекла, брошенная рухлядь, в стенах зияли дыры, из которых пробивалось солнце. Местами не хватало кусков потолка или пола. И всюду были разбросаны шприцы и бутылки. В начале этой коридорной голгофы трезвости лежали актуальные марки – «Пять озер», «Беленькая», «Рожь». Но чем дальше шел Брутто, тем более раритетными и древними становились «Тройка», «Столичная», «Московская особая», и даже водка с оригинальным названием «Водка» – вершина соцреалистической мысли. В конце концов, ему попалась прозрачная, старинная бутылка необычной формы, на которой еле-еле читалась надпись «Спотыкач» и лицо веселого казачка.

Страх у Брутто постепенно пропал, и даже появлялось живое воодушевление. Он слепо доверял своим наваждениям и шел следом, не задаваясь вопросами. Видимо, так радуются

живые среди мертвых – радуясь настоящей неопределенности своего положения перед печальной определенностью окружающих. Брутто, исписав зигзагами десятки коридоров и пролетов, пришел к тупику в виде массивной железной двери. А хозяйка тени испарилась так же, как и появилась.

Брутто ощупывал дверь – годы её не пощадили, поэтому резким толчком плеча он выбил дверной замок и оказался в белоснежных палатах, в чистом коридоре, без следа дыма и тени-водки. Брутто неистово пытался отыскать её, нелепо заворачивая в ответвления от главного коридора и открывая различные кабинеты. На секунду он застыл, и, опоминаясь, стал приходить в себя: «Просто галлюцинация, это был длинный тяжелый день, обычное переутомление». Он присел на скамейку у одного из кабинетов, выдохнул, размял шею и, смирившись со своей судьбой, поднялся с намерением вернуться в бесконечную очередь. Но когда он сделал шаг, дверь кабинета резко открылась и с тяжелым звуком столкнулась с носом Брутто.

– Запрокинь голову! – властно приказала молодая медсестра. Очень вовремя, потому что кровь пошла ручьем и чуть не залила всю одежду. Её голос показался Брутто чертовски знакомым. Он с удивленными глазами опустил голову и убедился в своих мыслях: это была она, та незнакомка с вечеринки, за которой он бежал как умалишённый по заброшенному корпусу больницы битый час. Она выглядела иначе: на ней был медицинский халат, никаких черных вещей, и она тут же узнала Брутто, искренне улыбнулась неожиданной встрече и кротко, тихо произнесла:

– Ой… Привет!

Она растянула слова в новую улыбку, более осторожную, но не менее яркую. Брутто замер, ошарашенный, и как тут не поверить в проведение? На секунду он замкнулся, пока в его голове стыковались вагоны из случайностей и закономерностей, бессознательные понятия желаний и спутанные сознательные мысли. Неловко блея, как невинный агнец, он смог только жалко повторить только что услышанное слово в ответ, но более медленно и протяжно.

– Приииивет.

Внутри его жгло желание тут же рассказать об удивительном совпадении, о том, как его шизофреническое, болезненное, то ли постнаркотическое состояние привело его прямо к ней. Но добротный удар в голову надолго вернул его в реальность, и, честно говоря, он даже не представлял, как об этом можно сказать: «Знаешь, твоя тень привела меня к тебе… Слушай, ты случайно не обладаешь астральной проекцией? Ну как Прю в „Зачарованных“». Поэтому он только отважился предложить ей выйти покурить на свежем воздухе.

Они спустились вниз. Новый корпус больницы выглядел куда более благопристойно: металл и пластик, всё блестело чистотой и новым веянием времени. И только отвалившийся плинтус, который Брутто не замечал, словно пророк, горько напоминал о грядущем и неизбежном итоге.

Перед входом был разбит большой и стройный сад с приятными, хотя и немного вульгарными статуями известных врачей. Пока они выходили на улицу, она успела поведать Брутто, что здание построено совсем недавно, а те два корпуса собирались сносить и переделывать. Вот уже как 33 года.

– Слушай, а как ты здесь вообще оказался? – спросила она, доставая из своего халатика пачку пресловутых сигарет.

– Да мне, собственно, нужна справка для работы.

Она снова улыбнулась, и что-то внутри Брутто странно ойкнуло, отдаваясь шумом в ушах и утробным гулом глубоко в груди.

– А дай мне посмотреть твоё направление.

Брутто несколько неуклюже высунул из кармана помятую бумажку. Ему стало жутко стыдно за то, что она была такой мятой, и он даже попытался как-то оправдываться, но его

никто не слушал, а сам он не помнил, что говорил. Пробежав глазами, она резким движением достала печать, поставила штамп и вернула ему справку обратно.

– О боже, спасибо тебе! Я, наверное, часов 7 ждал этого маленького движения.

– О, не за что! Я была рада помочь тебе, но мой перерыв кончается, нужно уже идти обратно.

Она вскинула пронзительный взгляд, медленно поворачиваясь в сторону входа, видимо, ожидая благодарности и дежурных фраз. Но, так как она сказала «мне надо идти», это показалось Брутто скорее вопросом, чем утверждением, скорее необходимостью, нежели желанием. Секундной задержки ему хватило, чтобы соскрести все свои мысли со стенок душевного вместилища и сделать ход конём.

– Может, я подожду, пока ты закончишь, и мы сходим куда-нибудь?

Она отвела глаза вниз, размышляя, а затем, из-под лобья, испытывающим взглядом вонзилась в лицо Брутто. Ему стало не по себе, он уже хотел дать задний ход, но рот сомкнулся без ведома хозяина.

Её испытывающий взгляд быстро перерос в игривую улыбку, и, наконец, она дала ответ:

– Можно.

И, хитро усмехнувшись, убежала

Брутто дождался, пока его возлюбленная, бегущая тень, исчезнет с горизонта в лоне прекрасной больницы. Затем он наконец отпустил себя из рук: его сильно трясло, и он тут же потянулся за следующей сигаретой, вытащив потрепанную временем коробку со спичками. Маленький факел растрепал жаром мертвые и высушенные, изрубленные растения. «Да, уж, охренеть», – подумал Брутто и сделал затяжку. Тяжелый дым выходил из легких, скользя по поверхности, словно хитрое животное, как змея, охотящаяся за новой жертвой. Курение даров Танатоса приносило свою долю умиротворения, хотя и требовало жертвоприношения. Но на что не пойдёшь ради минуты покоя в бесконечном вихре людей, вещей, коней и залпов тысячи орудий.

Вдруг палящее солнце загородил черный рыцарь. Его лицо скрывало забрало, за которым виднелась черная, как уголь, кожа. Широкие плечи заслоняли пространство позади, повеяло могильной прохладой. Черное было всё его одеяние и доспехи, даже дубина его была черного цвета. На цепи у него сидел черны пёс, на которого Брут смотрел с опаской и страхом.

– Здесь нельзя курить, – изверг он из-под своей балаклавы суровым и глухим голосом.

– Дай докурю, я уже все равно начал, – пытался отмахнуться Брутто.

– Нам применить силу? – сказал рыцарь, двинув туловище вперёд.

– Ладно, ладно, – ретировался Брутто, выкидывая сигарету и уходя прочь. Черный рыцарь расстроился и даже неудовлетворительно вздохнул; вновь его оружие возмездия и правосудия оказалось не у дел. Как долго он нес с собой свою тяжелую огненную дубину, мня себя Александром, Святославом, Михаилом и всеми прочими, но орды подростков, забулдыг, никак не хотели идти «на вы».

Но вот его взор снова обратился вдаль. Кажется, кто-то был не так одет или подозрительно стоял, слишком фривольно, скрестив ноги и мешая общественной безопасности своей вычурностью позы. Он четко помнил наставления своего старшего: «Следи и помни, когда они так стоят, облокотившись и скрестив ноги, это начало конца. Они думают о себе и своем комфорте, забывая об обществе и государстве. Их скрещенные ноги – это крест на нашей стране». И черный рыцарь, покрепче затянув шлем, стремглав помчался с дубинкой на голо, охранять, защищать и спасать свою Родину.

Брутто зашагал дальше вдоль мостовой, перечитывая по ходу мелькающие рекламные вывески и плакаты. Настроение его значительно приподнялось, и хотя болезнь не ушла, но появилось и что-то новое. Будто в его голове среди густого и плотного, влажного тумана, преследующего его весь день, мешающего не только видеть и идти, но даже дышать, появилось

долгожданное солнце. Это было уже совсем другое солнце, не то что с утра, когда он только шел в поликлинику. Это солнце не жгло чресла, проявляя ярость, выпаривая из тела укрытые капли чистой воды. Это было солнце, которое, словно белые флаги корабля, несло приятную весть – нет, не то что Тисей жив, и можно теперь не обрамлять свое горе трагическим концом, а что приплыл этот корабль на спокойных волнах.

Казалось, произошедшее было чем-то очень и очень славным, но от чего-то Брутто еще чувствовал черную горчащую слизь под ребрами. Как будто он уже видел дальше, и пока собравшиеся на берегу без оглядки радовались спокойному морю, он на борту ждал, что не опасность, а покой принесет с собой смерть. Нет, не с криком погибнут они в яростном шторме, а со вздохом в мертвом штиле. А всё это спокойствие, которого так жаждали страждущие, лишь капля – капля йода на развороченное и изуродованное тело человечества. Будто за тысячи лет, что орел клюет тело бедного Прометея, кто-то впервые капнул на него немного бриллиантовой зеленки. Достаточно ли это плата навечно распятому на камне античному Христу? А Брутто так и бродил до конца дня между двумя солнцами – красным, жарящим яростью, и белым, очищающим светом.

Глава 2. «Расход»

Беззвучие повисло повсюду, отражаясь в хрустальном льду, подобно посюстороннему гимну из неуловимых нот, который наигрывают неведомые призраки на органах, сотканных из проржавевших труб подвалов домов. Оно резонировало неясным образом с тяжелыми облаками, вероятно, и с далёким северным сиянием. Вдобавок к этому вращение небесных тел из недр космической неги сталкивалось со звуками земного исподнего, в чьем нутре с мегалитическим скрежетом терлись тектонические плиты, сливавшиеся в унисон с гулкими стонами неопознанных плавающих объектов под толщей воды.

А быть может, напротив, не макрообъекты, пугающие своим вычурным гигантизмом, а движение каждого объекта, даже до невообразимо малого и ничтожного, создает эффект оглушающей, абсолютной тишины. Многие свидетельства этого явления не позволяют отмахнуться от него. Видимо, в тот момент, когда эти предположительные причины становятся в нужном порядке, именно в этот миг можно услышать тишину, почувствовать звук того, что не может звучать по определению.

Между тем, не только абсолютная тишина, ужасающим топором повисшая над холодным городом, но и непроглядная тьма делала эту ночь исключительной. Небо потеряло свое привычное значение в этот вечер; не воздушные сливки, что укрывают нас от смертельной солнечной радиации, а небо стало синонимом черного, словно купол из жидкого обсидиана, полностью закрывающего город. Это пугающее природное величие совершенно не забавляло человеческий род, который с давних пор пытался развеять природное могущество веселым иррационализмом: песни, пляски и пламя костров, что взмывали на метры вверх, эволюционировали в зловещие массивные электростанции, в которых даже саму смерть удалось на время приручить и заставить работать на человечество в этой вечной борьбе тьмы и света.

Но как человечество не пыталось – все было тщетно. Взмывая вверх, как птица, достаточно оглянуться на Землю в ночи, чтобы увидеть все те же одинокие огоньки, хаотично раскинутые по планете, окруженные всепоглощающей чернотой. Этой же ночью, не только тьма и тишина, но и чудовищный холод изгнал людей-хозяев восвояси с улиц и переулков. Вьюга, словно стая диких псов, рьяно гналась за каждым, кто осмелился ослушаться и нарушить табу природы, бросив вызов её силам. А метель, жестокий тюремщик «Полярной совы», заперла людей в квартирах, как в клетках. Никто не выходил из дома, видя в нижнем уголке экрана телевизоров поистине библейские -40 градусов мороза

Вечные обитатели задворок и дворов – от городских собак до бездомных – просто вымерли, а на их излюбленных лежбищах встал крепкий лёд, храня их тела для исследователей будущих миллениумов. Одинокие путники, краткой усадкой перебегая от дома к дому, одевали десятки слоев одежды, напоминая огромные антропоморфные шерстяные клубки, неловко скачущие по сугробам и скользящие по улицам.

Сами сугробы, гонимые ледяным бураном, обтекали вокруг домов, повторяя их формы в меньшем масштабе, от чего создавалось впечатление, будто зима строит свой город в городе, словно белый архитектурный макет, а сугробы всё высились с каждым пройденным часом. Жители первых этажей уже никак не могли понять, что творится у них за окном; им проще было признать тот факт, что теперь они живут в подвале, потому что сама земля поднялась на пару приличных метров. Жильцы, что обустроились выше, могли лишь наблюдать, как некогда великий город беспомощно скован цепями, словно ядро Земли не было жидкой и кипящей магмой, а сверхновой звездой, горящей и источающей холод.

Город был законсервирован, целый город, словно кусок говядины, валялся в морозилке, погружённый в стазис, а жизнь в нём остановилась, как в криокамере. Ветер, что в обычные дни способствует созданию и распространению движения, и люди, которые, декламируя свои

нелепые истории, постоянно дышали, помогая ему в рождении движения, – всё застыло. Теперь этот город принадлежит морозу; он взял его без крови, одним лишь страхом

Ведавшая ещё со времён Сталина ржавая тарантайка бренно и жалко пробиралась сквозь стужу. Какой ни бери промежуток времени и пространства, всегда можно найти тех представителей рода человеческого, которых не пугает ничто: ни глубины океанов, ни космическая пустота, ни тем более леденящий мороз.

– Да прямо последний круг ада, да и думаю, количество обитателей такое же, – сказал Брутто, невольно съёживаясь от вида за окном. Он накинул перед выходом на себя с десяток кофт и маек, и, несмотря на то что большая часть КПД двигателя шла на обогрев жигуленка, он чувствовал себя так, словно стоит в одном исподнем, обдуваемый арктическими ветрами.

– Надеюсь, более приятной наружности, – ответил ему водитель, по привычке включая поворотник, что было, конечно, абсолютно бессмысленно: на многие километры вокруг не было ни машин, ни людей, но даже освещения.

– Думаешь? – ехидно вторил ему Брутто.

– Тогда ты Брут!

– Если я Брут, то ты Кассий.

– Логично, тебя, по крайней мере, больше знают.

– Я ненавижу отсылки к Данте. Если я лично попаду в Ад, то там точно будет всё как у Данте.

– Второй тогда мой вопрос пусть останется не озвученным.

– Да уж, пожалуй, держи при себе, – чуть расстроенно и неловко произнёс Брут, пряча взгляд вниз.

– Ну что, куда дальше ехать? Что ты там хотел? – спросил водитель, вставляя ключ в зажигание и пару раз прокручивая его. В конечном итоге двигатель завёлся. Магия, не иначе! Только советский автопром мог завестись в такую погоду – то ли от тёплой дружеской атмосферы, то ли из-за работы поршней и сжигания солярки, едкий запах которой подло проникал в салон, напоминая об угрозе беспечного отдыха и сна в тёплой машине посреди ледяного града. Длинные улицы и отсутствие должного сцепления с дорогой превратили поездку на машине в весёлое катание по катку. Словно летящий призрак по мёртвому городу, улочки, тупики и задворки расплывались за окном.

– Ну что, Брут! Как ты думаешь, за какой грех тебя сошлют в Тартар? – спросил Кассий с улыбкой.

– Ох, даже не знаю. Похоть и чревоугодие точно не по мне.

– Значит, отметаем, – весело отметил Кассий.

– Я думаю, уныние всё-таки. Всё надоело, настолько всё противно, что даже смерть кажется скучной и банальной.

– Да уж, уныние создано для тебя, – подмигнул Кассий.

– Мне кажется, это самый сильный грех. От похоти и чревоугодия можно избавиться, от похоти даже физически. От гордыни и тщеславия, гнева нас избавляет сама жизнь. Алчность тоже такой грех, много есть способов совладать с ним.

– Например, насытиться.

– Ага, а вот что делать с таким грехом, который рушит любое желание шевелиться? Грех, который разрушает любое стремление и любое желание.

– Грех нашего поколения. И думаешь, нет ничего, что с ним бы совладало? Может быть, счастье? Любовь?

– Любовь – субъективная абстракция. Кажется, подумаешь об этом более сконцентрировано, и вот уже ничего и не любишь. А счастье? Не смеши меня, все знают, счастья нет – есть лишь покой и воля. А когда ты в унынии, тебе не хочется покоя, и у тебя нет воли.

– Чушь какая-то! Всё тебе не то. По мне так любовь – субъективная абстракция только тогда, когда кое-кто расстался на днях с подружкой. А до сего всё с любовью было в порядке, и уныния не бывало. И из нас двоих именно мне перестало цитировать Поэта, – саркастично подмигнул Кассий, театрально поправив свои кудрявые волосы.

– И то верно. В любом случае, у меня есть и другие грехи, и немало. Один порождает другой, подпитывая друг друга.

– В целом, вероятно, ты не далёк от истины. Что есть тщеславие, как не гордость за то, что ты удовлетворяешь похоть и чревоугодие чаще и лучше других? Что есть алчность и зависть, как не обида от того, что ты удовлетворяешь похоть и чревоугодие меньше других? А лень и гнев – разочарование в возможности достигнуть этого. И что есть уныние, как не отчаяние, вызванное пониманием примитивных сил, что движут тобой в жизни?

Усмехнувшись, он ответил:

– Да уж, выбрать научную специальность в качестве места работы – это твоя проблема, которая стала проблемой других.

– Брось, Брут, кто бы говорил! Ты вообще ватакат, словно перекати-поле, и нигде не задерживаешься. Даже интересно, где ты окажешься через пару лет.

– Мне кажется, кто-то просто кидает кости, выбирая мою судьбу.

– А мне кажется, тебе надо сменить пластинку. Не ты первый попал в отчаяние, и не ты последний. Смирись, переживи это, переосмысли это и иди дальше.

– Дальше куда?

– Куда подальше от того, где ты сейчас.

Брут засматривался через заледеневшее окно на хмурый город. Большинство окон жилых домов были черны, как сама ночь, их хозяева мирно спали. И только на одном из сотен окон ярко горел свет, слабо рассеивая тьму. Брут блаженно закрыл глаза, представляя себя мотылём, который стремглав мчится на этот свет. Подлетая ближе, он уже видит устоявшийся быт: пар от горячей пищи, сготовленной надежной супругой, тучного, но с добрыми чертами лицом вождя патриархальной ячейки, восседавшего словно на троне на крепком деревянном стуле. Домашние животные – кошки и собаки – игриво путаются под ногами домочадцев. Муж с женой, словно акробаты, перекидываются теплыми, но бессмысленными фразами, а дети то вбегают на кухню, повторяя за животными, то прыгают на тяжелые и крепкие руки отца и нежные, ласковые к матери, то снова убегают. Вот Брутто-мотылёк уже долетает до окна, он хочет внутрь, чтобы лучи тепла согрели и его, но ставни закрыты, а стекло покрылось слоем инея. Он всё быстрее скребётся своими лапками, фасеточным зрением выискивая щели, в которые можно забраться. Оглядываясь, он с ужасом понимает, что нужно срочно лететь назад, но уже слишком поздно: его верные крылышки подло тяжелеют, заледеневают, и он срывается вниз, как камень.

Брут очнулся от причудливой метаморфозы и пронзающего холода, пришедшего к нему в незатейливой дремоте, и взглянул на Кассия – тот, словно блаженный, улыбался и светился, докуривая последнюю сигарету.

Брутто поежился, смотря на легкое одеяние Кассия. Его самого холод пронзал, словно молнии, и сколько бы он ни одевал нафталиновых свитеров под низ, принадлежащих еще дедам его дедов, он все равно чувствовал этот холод. Кассия же, казалось, это вовсе не волновало. Брутто не понимал, почему эта мысль не дает ему покоя. А всё потому, что сколько бы ты ни грел лед, в итоге он просто исчезнет, но никогда не станет теплым.

Наконец они прибыли к месту высадки, заехав в глубины темных переулков. Кассий остановил машину напротив железных ворот. Брутто привычным движением открыл дверь и вошел в свое древнее жилище, где он не был так давно. В его комнате все еще оставались остатки любви: три бутылки вина хаотично разбросаны по квартире, последняя из которых не была пуста, но уже превратилась в едкий уксус. Разбросанные кучки бычков и поломанная кровать

служили памятником прошедшей последней ночи. Только одна сигарета из всех еще оставалась целой – зажжённая, но не выкуренная, с испачканным кровью фильтром.

Знал ли он тогда, что эту сигарету ждет такая судьба? Была ли она предвестником конца, зажжённая в пылу страсти, но так и оставшаяся не докуренной? Теперь она словно могильная плита, неприятное напоминание. Брутто смотрел на нее и, вертя в руках, думал о ней: знала ли тогда эта сигарета, что всё так закончится? Она словно подмигивала ему. Было столько знаков, но верно говорят, что влюбленные словно слепые. Брутто положил её в карман, огляделся, оставил тяжелый пакет посередине, тяжело вздохнул и вышел.

Кассий стоял у машины, пространно смотря в небо. Увидев друга, он приветливо улыбнулся: дело закончено, обещание выполнено.

– Ну что, сделал своё дело? По домам?

– Да, спасибо, что подвез.

– Да ну!

Кассий вскочил в машину и стремглав завёл мотор. Брут сел рядом, и они снова пустились по ледяной дороге. На обратном пути Брут не думал ни о чем, не представлялся мотыльком и не видел город, скованный льдом. Перед ним будто не было ничего больше; он просто смотрел в пустоту, всё пропало из его поля зрения, а страх и отчаяние совсем сковали его. Кассий был хорошим парнем и с грустной улыбкой смотрел на мучение своего товарища. Он через это проходил, и это прошло, и у него пройдет.

– Слушай, Кассий!

– Да, Брут?

– Окажи мне честь, подари зажигалку.

– Конечно, убийца.

Кассий достал её из кармана куртки и передал своему товарищу.

– И можешь меня здесь высадить?

– Здесь? Но мы же в центре, у набережной, тебе далеко до дома.

– Да я не домой, высади здесь, пожалуйста.

– Ты уверен? Не переживай так, всякое случается, и…

– Не беспокойся, я в порядке, просто хочу пройтись.

– Эх… ладно, как знаешь.

Кассий остановил машину, попрощался с Брутто и немного отъехал, держа своего товарища в поле зрения еще некоторое время. Убедившись, что тот вроде как не собирается выкинуть какую-нибудь несуразную глупость и играть в юного Вердера, он дал по газам и помчался в свое уютное гнездо, улыбаясь и посмеиваясь, вспоминая, как и сам когда-то стоял на перепутье.

Брут вышел из машины и так тяжело вздохнул, что припорошил снег под ногами. «Всё на этом», – подумал он. Теперь он наконец один, один во всем этом чертовом городе. Он стоял на набережной и всматривался в тьму, в замершую намертво реку и ледяную крепость за горизонтом. Брут медленно спустился к набережной, вступил на лёд и дошёл до середины, шаг за шагом, на своей маленькой личной голгофе. Присев прямо на клубы снега, он достал ту самую сигарету и закурил.

Не шевелясь, он мерно добивал последнюю, а вьюга и снег быстро сделали его частью городской декорации, обледенев его, словно кусок мрамора. Он продолжал смотреть вдаль и ни о чем не думать. Его пугала внутренняя безмятежность. Он не хотел кричать, не хотел стонать, не ругаться, не плакать – он просто сидел, и хоть взгляд его и был устремлён в одну точку, он ничего не видел, совсем не контролируя бессознательные потоки в собственной голове. Только изредка задаваясь вопросом: «Что происходит?».

Бог весть, сколько он сидел на этом месте: зимой дни и ночи сливались в одно, и непонятно, что это – минуты, секунды, часы или сутки. Всё казалось как во сне. Наконец ему пока-

залось, что он встал. Он уже был словно гора, заледеневший и весь в снегу. Поднявшись, он встрепенулся, словно ретивый конь, и побежал. Побежал неисповедимо по лучу света Луны, отраженному в тонком льду.

Глава 3. «Движение с Запада на Восток»

Брутто открыл глаза, и перед ним развернулись массивные двери с провокационной надписью: «НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ». Армейские ботинки Брутто ступили на мраморные полы станции, было еще раннее утро, солнце только-только встало. Он, будто очнувшись ото сна, тут же закурил, стоя на перроне. Его длинная полувоенная куртка и черная футболка едва прикрывали тело от мощного ветра, силу которому придавал спешащий поезд.

Луч света ярко переливался и преломлялся в дыму дешевых папирос, а издали к Брутто ровным шагом, тесным строем, шли двое тучных полицейских. Брутто давно заметил, что их всегда расставляют по весу: либо два тучных, либо один до безобразия жирный, либо три худых и тонких, как тростинка. Двери вагона уже открылись, полицейские спешили, а Брутто, словно лис, демонстративно «гулял» вокруг открытой двери, показывая свое намерение дождаться следующего. Он манерно взглянул на часы и, театрально чертыхнувшись, достал новую сигарету.

Улыбки на довольных лицах этих бродячих котов натянулись до неприличной степени, делая их лица кукольными до ужаса. И вот, когда створки дверей зашипели, а до него уже было рукой подать, Брутто, словно молодой сайгак, лихо впрыгнул в закрывающийся вагон. Ошеломленные представители правопорядка бессильно взирали на лицедейство, открывавшееся перед ними. Не упустив шанс, Брутто высунул в окно руку с неприличным жестом и, в довершение своего представления, кинул в них окурок, нагло выпуская из носа последние струи дыма, гордо смотря вверх и усмехаясь.

Его настроение значительно улучшилось, следов недосыпа как не бывало, а утреннее мятое лицо растянулось в довольной улыбке. Впереди предстоял долгий путь, поэтому, выбрав более удобное место, он уставился в пейзаж за окном. Он никак не мог уснуть в незнакомых местах и долго наблюдал, как деревья проносятся тысячами перед его глазами. Раньше он даже не думал о том, что здесь столько деревьев – миллиарды мириад деревьев, озера и реки. Постепенно и незаметно для его взора они сменились афганскими пустынями с единичными оазисами, которые изредка мелькали вдали. Наконец, озера стали гореть синим пламенем, а вокруг них кружили огромные волшебные драконы. Потом не стало и их, а поезд, словно истребитель, поднялся ввысь, в самые глубины вселенной, и ехал по кольцам Сатурна, словно по рельсам. «Тутух-Тутух».

Уже темнело, и Брутто не знал, сколько времени провел в пути. Млечный Путь разверзся над небом, словно река, сделанная из молока, и каждая звезда в нем была как капля. В вагоне, кроме него, никого не было, разве что одинокий мальчик с девственными усиками и совершенно несуразной нутриевой курткой. Река, тянувшаяся за окном, сверкала, как лунный свет: то удлинялась и выливалась в бескрайние озера, то маленьким ручейком тянулась вдоль путей.

Брутто ощущал себя словно в подводной лодке, как будто вокруг него были толщи воды, а его движение и взгляд были заторможены, все чувства слегка притуплены. Среди этого темнолунного звездного пейзажа мелькали одинокие домики. С детства ему всегда было интересно, каково это – жить так, вдали от всех, прямо у железнодорожных путей. «Тутух-Тутух».

Брутто стало зябко, он окутался в свою куртку и мерно засыпал под стук колес, снова просыпаясь, жадно хватая воздух и снова глядя в окно. Он пытался вспомнить лица отца и матери: раньше это удавалось быстрее и легче, но теперь неприятная дрожь охватывала его, и с каждым разом приступы горечи и ностальгии добавляли новые секунды, а образы становились все более размытыми. В его сознании, словно в пазле, всплывали отдельные части лиц: то подбородок, уши, то глаза или губы, а потом уже достраивалась остальная картинка.

«Туту-х, туту-х» – выбивал поезд, словно метроном или медитативная молитва старого усидчивого монаха, помешанного на поездах. Свежий лесной и ночной запах приятно разли-

вался по купе, в нем ощущалась какая-то гарь и оттенки смолы сосен, а также огромное количество свежего, приятно-ледяного кислорода. «Тутух-Тутух».

Сознание его безвременно уплывало и пряталось в тени, отбрасываемой сном. «В жизни бывает много дорог, но только одно начало и один конец» – не весело пронеслось у него в голове. «Тутух-Тутух».

Он снова просыпался и совершенно терялся во времени, а реалистичные сны путали его еще больше. За окном ему мерещился то снег, «Тутух-Тутух», то листопад, «Тутух-Тутух», то жаркое лето, «Тутух-Тутух», то расцветающие поляны гречишника и сирени. «Тутух-Тутух».

Брутто то казалось, что он едет несколько дней, «Тутух-Тутух», то словно вообще не прошло ни секунды – все это казалось набором картин, которые проносились со сверхзвуковой скоростью перед его глазами, так быстро, что они словно вообще не двигались. «Тутух-Тутух». «Тутух-Тутух». «Тутух-Тутух»

Брутто почувствовал, как кто-то положил руку ему на плечо. Он одернулся и на секунду впал в ступор; на мгновение ему показалось, что это был его отец. Очнувшись от сна, он разглядел недовольного кондуктора, который требовательно протянул ладонь и попросил у Брута билет. В это время он чуть не пропустил свою остановку. Это была предпоследняя, а мальчик, единственный в вагоне, видимо, ехал на конечную. Брутто огляделся на него; тот всю дорогу смотрел в окно.

Свежий лесной воздух приятно ударил ему в нос, словно хлорка в затхлом помещении. Брутто выдохнул и огляделся.

Рядом с пироном под старой полуразрушенной башней, водрузившись на стареньком выжелтившем жигуленке, сидел его друг и пара рабочих с ним. Они пили пенное пиво, гогоча на весь лесной массив и стуча бутылками после каждого залпа. Пена струилась по бутылкам и мерно капала на древнюю морщинистую землю, восполняя утраченное временем. Солнце постепенно выходило в зенит и приятно грело лица веселых и беззаботных людей. Их речи переливались в мелодии и раздавались смехом. А из машины разносилась музыка, сотрясая ветки ближайших деревьев.

Приметив Брутто, они тут же начали кричать и махать ему, затягивая его в свою атмосферу, словно рыбу удочкой. Городская удрученность постепенно с каждым шагом уходила из Брутто, словно трупный яд, а в образовавшиеся пазухи поступала свежая и чистая динамичная сила первозданной природы и образы таких же людей, под стать ей

– Ооооо, ну наконец-то! Второе пришествие, не иначе! Сколько лет, сколько зим, и ты добрался! – театрально развел руками Ленни, приветствуя Брутто.

– Да вы живете на краю света, серьезно! Я ехал словно несколько дней подряд, – ответил он саркастично, оглядываясь.

– Это да, поэтому многие, когда приезжают сюда, уже не возвращаются обратно. Да и нам еще ехать и ехать, кстати. Просто поезд туда не идет. А, да, это Олег и Корнелиус, наша бригада!

– Здорово, мужики! А почему Корнелиус? – удивленно спросил Брутто.

– Да просто по приколу. Тут иногда бывает суперскучно, мы так развлекаемся, коротая время вечности. А тебя как кличут?

– Ну тогда я Брутто.

– Пойдет! Ты бухаешь?

– Только когда угощают, – усмехнулся Брутто.

Корнелиус рассмеялся, и вместе с ним его широкий живот, как второе лицо, весело дрожал, вторя настроению хозяина.

– Этого добра даром навалом! Бесплатное благо – самое славное!

– Ленни, садись за руль тогда, а то я уже совсем перебрал, – сказал Олег и уселся на заднем сиденье, высунув голову в окошко. Предусмотрительный и мудрый поступок. Брутто сел рядом, а Ленни и Корнелиус – спереди. Наконец-то тарантайка тронулась, выбрасывая комья

каменистой почвы и столбы черного дыма, пытаясь перегнать движение Земли и добраться до нужного места. Они довольно быстро выехали на трассу с нежным местным названием «Матерая».

Состояние дороги было таково, что складывалось ощущение, словно именно по ней проходили все первые и вторые мировые войны. Тачанка, на которой они ехали, подбрасывала в воздух на пару добрых сантиметров каждые пару секунд, и казалось, что вот-вот они наткнутся на зарытую какой-нибудь немцем или недальновидным румыном мину и окончательно отъедут на тот свет. При том дорога была несуразно широкой, будто взлетно-посадочная полоса, тянущаяся на многие километры в глубокую даль. Рядом с ними в потоке машин пристроилась неприметная газелька зеленого цвета, приковавшая внимания Брутто, в открытом кузовном прицепе было несколько десятков деревянных балок перевязанных лентой.

– А другой дороги нет?

Спросил он, не сводя взгляд с машины

– Нееее, это единственная.

Пробурчал Ленни ловко выкручивая руль, чтобы не сыграть в смертельное ралли.

– Смотри-ка, Олег, конкуренты!

Недовольно проворчал Корнелиус, указывая тонкими пальцами на машину

– Вот сволочи, опять жирный заказ хапнули.

Процедил Ленни

– Может, их подрезать?

Начал подначивать Брутто, он и сам удивился как из него выскочила эта фраза. Было в этом что-то затейливое, такое скоморошничество, но повеяло и жутью, как будто среди толпы линчующих, кто-то произнес: «А давайте убьем его».

– Да я с радостью бы, но тачку жалко.

Отмахнулся тот

– Реально жалко?

Саркастично заметил Брутто

– Эй, я её у участкового еле купил!

– Погоди-ка, сможешь подъехать поближе? Давно хотел проверить одну штуку, – заговорщицки произнес Брутто, усаживаясь по удобнее

– У тебя есть идея?

– Да, давай!

Ленни подогнал тачку почти в упор к газельке. Брутто весело ухнул и стал вылазить из окна машины, ловко зацепившись рукой, вылез на её крышу и лихо перепрыгнул на борт к газельке, едва-едва не потеряв устойчивость. В жигулях раздался ободряющий дружный смех, что только сильнее подначивало его. Брутто, не растерявшись, стал быстро вскрывать обухи и вытаскивать деревянные лаги одну за другой, резко и ловко перебрасывая их уже подсуетившимся Олегу и Корнелиусу, которые встали на приёмку. Одному Богу ведомо, чем занимался водитель, и как можно было не заметить за собой летающие, словно по волшебству, трёхметровые доски, шум от их удара по металлу и весёлый гогот четырёх человек. Когда Брутто закончил, довершая свою дерзость, он встал в позу победителя, кивая своим друзьям. Он чувствовал себя победителем, так долго он таился, сидел по углам, в тени и вот он стоял освещенный в зените солнца, под возгласы соратников.

Водитель резко затормозил за секунду до того, как Брутто успел перепрыгнуть на крышу жигулей, чуть не пробив её насквозь, и Ленни дал по газам. Ехать верхом на жигуле по разбитой в хлам трассе – такое себе удовольствие. Брутто еле держался руками за оконные рамы, которые больно впивались ему в ладони. Ветер от скорости движения бил его прямо в лицо, стягивая, как пластический хирург, а постоянные выбоины заставляли его тело содрогаться. Несмотря на неудобства, все без умолку хвалили Брутто, шутили и прикалывались над несчаст-

ными конкурентами, наблюдая, как ошарашенный водитель ругается на них, издали и стоит в шоке, не зная, что делать дальше. Когда они достаточно оторвались, Брутто произнес мысль которая его занимала.

– Нас же никак не могут поймать, да? – перекрикивая шум ветра говорил он засовывая голову в салон автомобиля.

– Да не, это же тебе не город, ищи нас свищи по тысячам километрам вокруг.

– Ты бы залез внутрь, Брутто, а то упадёшь и раскроишь себе череп!

– В натуре, братан, вернись назад, пока не шандарахнуло!

Брутто злобно усмехнулся. Он давно хотел выкинуть какой-нибудь финт, но всегда сдерживался. Но тут, на краю Земли, когда он остался совершенно один, было ли ему дело до последствий? Он чувствовал этот ветер под своими ребрами, было так свободно без обязательств и долгов. Только его постоянно знобило, и он ловил себя на мысли, что не может долго смотреть в одну точку, тогда пространство вокруг будто сжималось и исчезало, становилось трудно дышать. Вот и сейчас, он буквально на пару секунд установился в лобовое стекло машины, и видел как по краем его зрения все начинает темнеть, а дорога впереди проносилась так быстро, что ему казалось, что она несется прямо на него. От этого «залипание», его отвлек огромный черный ворон, метко пролетевший прямо перед лобовым стеклом. Брутто одернулся и вжался в кресло от удивления, и вместе с этим, ощутил странное родство с этой тупой птицей, чуть не разбившейся на смерть. Ленни же резко дал по тормозам.

– Ждём, – уверенно произнёс Ленни.

– А чего встали-то? – вмешался Брутто.

– Да там же ворон был, – недопонимающе ответил Олег.

– И что? – сказал Брутто, подняв бровь.

– Предвестник смерти. Сейчас другая машина проедет, и поедем. Ну его к черту, так рисковать, – спокойно объяснил ему Корнелиус.

– В натуре, – подтвердил Ленни.

Брутто только пожал плечами. Устав от дорожного авто-приключения, он прикорнул, завернувшись во все одежды. Через щелочку от не до конца закрывающегося окна лился приятный летний ветерок, обдувая припечённое солнцем лицо. Он спал словно вечность, что ни говори, городская жизнь, воздух, атмосфера и суета накладывают своё напряжение, и когда оно снимается, человека просто выключает, как перегретую старую грейку. Пуф, и только дымок изо рта.

– Хэй, спящий, вставай! Мы уже въезжаем в Пекло! – впрыснул Ленни, широко улыбаясь.

Брутто устало протёр глаза и огляделся: деревушка была большой, хотя и находилась в дремучих дебрях. Это было даже удивительно, как и то, что просматривалась чёткая архитектурная структура деревни. В центре расположилась небольшая площадь с полицейским участком, причём это была низина, наверняка её частенько затапливало во время дождя. От неё кругами закручиваясь в спираль, тянулись улицы, все возвышаясь к краю, затрагивая своими линиями различные территории – холмы, болота и большое озеро на опушке. В деревне была и своя церковь, а полицейский участок разместили в каком-то старинном здании, который чем-то напоминал античный храм. Одному Богу известно, когда его построили. То там, то тут виднелись провода для общественного транспорта.

– Ох, уже день, я пропустил Рассвет! Боже, сколько мы ехали-то? Пекло?

С просони Брутто начал заваливать Ленни вопросами

– Долго, братан, долго. Да это место так называется – деревня Пекло.

– Называется Пекло, а всё равно тут жутко холодно, – процедил Брутто, растирая ладони и дыша на них.

– Ужас, ты мерзляк! Тут печёт как в саванне, почти +40, – произнёс он и показал рукой на зияющее в зените Солнце.

Солнце и вправду было на виду. Брутто удивлённо разинул рот и широко раскрыл глаза: то ли местность тут такая специфическая, то ли они уехали действительно далеко. Обычно Солнце всегда мелькает где-то высоко в дали. Тут же оно было словно прямо над ними, и нужно было задрать голову, чтобы увидеть его.

– Шею не сверни, астроном! Давай я тебе в кратце дам расклад, – сказал Ленни, закуривая очередную сигарету и залпом вдыхая дым вместе с тауриновым напитком. Брутто показалось, что пока они ехали, Ленни успел обрасти бородкой.

– Давай.

– В общем, строительный бизнес – вещь такая, конкуренция тут жёсткая, ну ты и сам уже видел. Поэтому друзей кроме нас тут не ищи, могут докопаться, приехать и попробовать сжечь нашу базу. В остальном пока побудешь разнорабочим. Будем ездить на объекты, строить – всё дела. Заказов хватает. Тут есть узбекский лагерь, афганская металлоприёмка, мы с ними не в контрах, так что на них не наезжай. Участковый местный Цорков – он тут царь и бог, так что смотри с ним аккуратнее.

– Хорошо, я не из робкого десятка.

Уверенно заявил Брутто

– Да я видел, эко ты ловко замутил с стройматериалами!

Сказал Ленни рассмеявшись, и вскользь взглянув на Брутто

– Поэтому и предупреждают, а то ты шибко шибутной и буйный, Брутто, – продолжил он Ленни

– Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой! – вскрикнул Олег.

– Чёрт побери тебя, зачем так громко? – пожаловался Брутто, оглянувшись.

За ними виднелся широкий и большой деревянный мост, образ которого едва-едва проглядывался из плотного болотного тумана. Мост был странный, по середине него пробивался кусок странного дерева, явна мешая проезжающим машинам.

– Эм а что это? – в недоумении спросил Брутто

– Мост.

Удивленно произнес Ленни, коса смотря на Брутто.

– Калинов мост, если быть точным

Мудро процедил Олег коса смотря уже на Ленни

– Ух, он правда так называется?

Не унимался Брутто

– Да не, это местные его так прозвали, официально вроде мост им. Михаила Калинина, без понятия кто это

Терпеливо отвечал Ленни

– Да дедушка какой ни будь, строитель мостов, масон

Весело отметил Корнелиус

– Да, а это под ним ни болото, кстати, это река длинная, она уходит туда далеко к пирону, речушка Смрадная

Завершил краткий географический экскурс Олег.

Перед мостом обильно рос бурьян, сам мост был обветшалым с зияющими дырами, полностью деревянный и даже древний, будто его построили первые предки, прародители рода человеческого. Мост был достаточно широкий так что по нему могли проехать одновременно несколько машин. Несмотря на то, что изредка так и происходило, он вообще не внушал никого доверия, особенно учитывая черное болото, которое заменяло реку. Казалось, что вот-вот, он должен рухнуть, еще немного, еще чу-чуть и в самое пекло, словно Садом и Гоморра, Помпеи и Геркуланум, и на вечно затерять в этих страшных топях. Люди по -ихоньку свыклись с этим, особенно учитывая, что дальше был лес и никакой инфраструктуры не было, а этот мост был единственной нитью что связывало этот болотный анклав с цивилизацией. Прямо сквозь мост

прорастал высокий багрянец, он не очень мешал проезду, и выглядел даже достаточно симпатично.

– Почему его никто не спилит?

Не переставал Брутто допытывать Лени

– Да потому что это! здесь всем на все насрать, тут машин пять только на моих глазах слетели в эти болота и утонули.

– Ах вот почему в стороне по берегу стояли могильные кресты

Вспомнила Брутто уже оставшийся далеко позади пейзаж

– Ага, неместные ночью едут и в последний момент видит дерево резко сворачивает и вязнут в болото.

– Оно такое глубокое?

– Ну да, не одну тачку так и не достали, а сюда, так то, приезжали Афганцы с манипулятором, металл все-таки, 4 бухты капронового шнура и ничего, никого дна.

– Металл и кровь главная валюта, а чего ты сам не срубишь?

Сделал свои выводы Брутто

– Да я занят работаю постоянно, времени нет, еще ходить деревья рубить, я что лесоруб, вообще государство должно такими вещами заниматься, я так то налоги плачу

Вдруг неожиданно для всех начал причитать Ленни агрессивно передергивая коробкой передач.

– Да у тебя же бизнес нелегальный весь

Отметил Брутто

– Ну а ндс, там и все такое, квас купил с неё НДС

Уже более спокойным тоном сказал Ленни

– Логично

Вернув голову вперёд, через лобовое стекло он заметил, как выше всех верхушек деревьев отблеском золота возвышались множество соборных куполов. Дерзкая постройка перекрывала собой часть неба. Проехав чуть дальше по дороге, Брутто наконец увидел и трамвайные рельсы, тянувшиеся вдоль всей деревушки и уходившие в массивные леса. Среди лесов вскоре показались крупные бетонные заборы песчаного цвета, над которыми высились трамвайные пантографы, словно ржавые металлические грифоны. В заборе никого толку не было, несмотря на свой монолитный и несокрушимый вид, местами их просто не было.

– Тут что, и трамваи ходят? – спросил Брутто, по-детски вжимаясь лицом в стекло.

– Неа, ну, он есть физически, но уже много лет бездействует.

– Как долго?

– Ни разу не слышал даже историй об этом.

– Никаких?

– Ну как-то ходила байка о кондукторе-призраке, говорят, он один в один на Харю похож!

– Харя?

– Да, это местный патологоанатом. Наш, правда, он вообще без работы сидит, тут редко кто умирает. Но, как бы, бывает.

– И что за история?

– Да так, говорят, дескать, если ты безбилетник, попал сюда незаконно, и ночью стоишь на остановке, то он подходит к тебе и высасывает душу.

– И ты веришь в это? – недоверчиво, но осторожно спросил Брутто. Ленни усмехнулся, похлопал себя по нагрудному карману и вытащил оттуда «счастливый билетик» с трамвая.

– А то, дураков нет!

Они поехали ещё дальше вглубь леса, который соприкасался с первой улицей. Именно там стояло то, что Ленни гордо назвал «Базой». По сути, это был обычный участок, как и сотни других, но жутко заброшенный, захламлённый и неухоженный. «Это типичная профессиональ-

ная болезнь», – успел подумать про себя Брутто. Стоматологи курят, наркологи колются, психиатрам не дают лицензию, если они не пытались пару раз покончить с собой, а у строителей дом – это одна большая свалка, где всё находится в перманентном состоянии хаоса и энтропии. Над всем этим скопищем безумных риманистических построек гордо возвышался садовый гном.

Брутто выполз из машины, манерно потягиваясь.

– Ну что, Ленни, накорми, напои, баньку затопи.

– Сейчас всё будет, братан!

Брутто по-царски ожидал на скамейке, покуривая, пока Корнелиус, Олег и Ленни встречали своего гостя на новой земле. Что-то отмечать – одна из сильнейших сторон загородной жизни. Получалось у них это чересчур ловко: дрова словно сами рубились, еда появлялась чуть ли не по щучьему велению на скатерти самобранки. А алкоголь разливался, словно Нил выходил из молочных берегов, прямо в бокалы, кубки и стаканы – каждому напитку своя тара.

Пока все вокруг копошились, внимание Брутто полностью захватил каменный мангал, из которого уже жадно торчал пламенный язык. Этот мангал был чуть ли не стародавним монолитным кромлехом. Основанием его выступали широкие массивные плиты, словно упёртые с какого-то дореволюционного кладбища. В центре возвышались множество крупных валунов, по велению судьбы добротно вставших друг на друга. В таком каменном устройстве, прямиком из бронзового века, можно было зажарить кого-нибудь целиком. Брутто подробно и с неприкрытым удовольствием осматривал сей мегалит и словами остановил вечно суетящегося Ленни.

– Ленни, а кто это сделал и зачем? – спросил Брутто, кивая в сторону каменного архитектурного чудовища, объятого пламенем.

– Ты про что? – в младенческом недоумении спросил Ленни, подбрасывая дровишки в костёр.

– Про мангал этот.

– Да, а, слушай, кхм… да вроде твой отец как раз и сделал! – сказал Ленни, задумчиво потирая шею и оставив на ней полукруглую тень от углей.

– Он тоже здесь был? – Брутто спросил это сухо, спокойно, словно молчаливо.

– Да, тут все наши были и будут, хех, – мрачно произнёс он, уставившись на плиты.

Брутто стал бдительнее присматриваться к ним, так и не поняв шутил ли Ленни. Это продолжилось до тех пор, пока тот не вскрикнул: «Готово!» Длинный стол был импровизацией: на двух пнях положили длинную, высокую и широкую дверь, слишком неестественную для обычных людей. Брутто, как гостю, не давали пошевелить и пальцем, и трапеза началась. Ленни положил себе больше всех, Корнелиус поворовал у него кусочки, а Олег ел неохотно, смотря куда-то вдаль с высоко поднятой головой. Брутто же питался жадно и голодно, пожирая кусок мяса за куском, и никак не мог насытиться. Он сидел спиной к огню, почти опираясь на него, словно у пламени была плотность, но постоянный холод никак не уходил – он всё ещё не мог согреться.

Из трубы бани густо валил черный дым, застилая приближающееся солнце. Время шло быстро: стаканы звенели друг о друга, в них мерно наливалась жидкость. Разговоры шли о том и о всём. Ленни говорил, брызжа периодически: «Работы ещё много», «Ты нам пригодишься», и перечислял строительные объекты. Он не сидел на месте, постоянно вставал, куда-то убегал: то кто-то звонил, и он бежал к проводному телефону, то что-то приносил и показывал, то просто отходил за соусом, кетчупом или майонезом.

Корнелиус тоже был резок, но иначе, чем Ленни: его движения были быстрыми, но точными и целенаправленными. Как только Ленни принёс кетчуп, Корнелиус тут же подхватывал его и выдавливал себе. Олег же отличался от них обоих: он был размеренным и немного презрительным, его движения были медленными, неспешными, и ел он дольше всех.

Хуже всех, наверное, выглядел Брутто. Он, как животное, пожирал всё, что ему давали в тарелку. «Положить соус?» – спрашивал Ленни, и Брутто кивал. Ленни наливал соус, и он тут же поглощался. Брутто не пробовал еду, а глотал почти не пережёвывая куски за кусками, жадно захлебываясь напитками один за другим, закуривая каждый кусок. Он сидел со стороны, вилка с сигаретой в одной руке, нож со стаканом в другой. Корнелиус всё спрашивал о том, что бы Брутто хотел иметь, и что у него было. Толку было мало: Брутто отвечал бессвязно, фрагментами, ни о чем. Олег же молчал, и если обращался, то только к Ленни.

Постепенно время брало своё, и все стали расходиться. Брутто выделили спальню на чердаке. Он стоял, курил вечернюю сигарету и решил осмотреть мангал ещё раз, но поближе и уже более расторопно. На плите он увидел начертанные кем-то буквы «Malleus». Заинтригованный пуще прежнего, Брутто сначала аккуратно попытался поднять плиту, однако у него не вышло. Ему пришлось приложить все свои силы, прочно опершись на землю-матушку, чтобы приподнять и откинуть плиту в сторону.

Под ней, и на её другой стороне, тысячами копошилась местная микрофлора: черви, жуки, белые непонятные гады, и Бог знает кто ещё, расползались в страхе, потревоженные не назвавшим себя грабителем. Аккурат под плитой, словно влитый в землю, лежал крупный молот. Несмотря на антураж вокруг, он не тревожился ни насекомыми, ни грязью, ни ржавчиной. Нагло игнорируя время, пространство и общество вокруг, молот сиял даже в полночной тьме.

Молот был сей, широк и огромен, длиною по горло. По всей рукояти был ловко нарисован космос, на ручке его изображён маленький островок земли, затерянный во вселенной, на нём толпятся гурьбой люди, как толпа, тесня друг друга и наступая на ноги соседям. Хотя местами было мало – как на руке молота, так и на нарисованном островке, было видно, что люди, толпясь, дрались друг с другом, ранили, резали и убивали самих себя, все до одного, буквально кроме одного: один этот, спиной к острову, висел в пустоте и лишь пальцами цеплялся за край земли, смотря вдаль на навершие молота. Брутто подумал, что он решил покончить с собой, да передумал в последний момент. И, грустно усмехнувшись, забрал молот с собой. Брутто, таща молот наверх в свой чердачный чертог, всё дивился, как весь их мир можно уместить так просто, и каким малым он стал за тысячелетия. На самом же навершие было намалёвано огненное красное солнце, сжигающее тот самый малый клочок земли, затерянный в нигде.

Глава 4. «Восход»

Тачанка плавно добралась до рынка и встала замертво. Каждый раз, когда она останавливалась, складывалось стойкое ощущение, что она больше никогда не заведётся. И каждый раз ей удавалось удивлять своих владельцев. На въезде в рынок Ленни и Брутто смиренно ждали, пока подойдут Олег и Корнелиус, чтобы вместе с ними отправиться на первый объект. Рынок – сердце любого города, а тем более деревни. Люди стекались сюда селевыми потоками со всех окрестных районов: кто-то искал общения, другие продавали и покупали товары народного потребления. Над всем рынком, словно облако, стоял гул споров и сутяжничества, торговые дела и дикий капитализм. Даже Ленни одно время держал здесь модуль в качестве своего офиса, но вскоре пришёл участковый и пригрозил его сжечь.

– Заказчик шизоид, – резко проронил Ленни, выкуривая сигарету. – Захотел себе сделать башню такую, винтовую, что ли, наружную, словом, придурок.

– Винтовую? – переспросил Брутто, удивлённо подняв бровь.

– Чтобы винтовая лестница снаружи, и высокая башня, говорит, чтобы самая высокая была во всей деревне, наглухо, короче, отмороженный.

– А кто он?

– Да, это бывший опер, построил тут себе чуть ли не дворец. Оборотень в погонах, хер ли.

Ленни всегда говорил немного без интереса, но быстро и резко, словно бесполезный маленький ручеёк. То, что люди жили здесь издревле, напоминала огромная деревянная полуразрушенная арка, но ещё стоявшая гордо на своих глиняных ногах. Некогда великая, ныне почти покойная, выгоревшая по своим краям и подгнившая местами. Резные стелы, вкрапленные в её основания, изображали странные фигуры диковинных человекоподобных козлов, весело танцующих вокруг костров и от удовольствия показывающих свои длинные языки. Их причудливые образы кружили в неге среди прекрасных пятиконечных звёзд. Создавалось впечатление, что стоит она тут уже не одну тысячу лет; она смотрелась тем причудливее, что была почти исполинской, несоразмерно гигантской и выглядела тут немного не к месту. К чему такие огромные городские ворота в захудалую деревушку, Брутто искренне не понимал. Да и сама деревня была странной и находилась в низине, словно в огромной яме, от центра которой концентрическими кругами расходились улицы. Хотя и деревня это была местом удалённым, тут был даже трамвайный парк и целых пять остановок в разных углах деревни. Но, конечно, заброшенный. А купола церкви отсвечивали где-то вдали, почти с любых мест. Не менее забавное, что рынок стоял на первой улице, а в центре, где он, по идее, должен был находиться, как раз-таки располагался полицейский участок.

– А что это за ворота такие? – задумчиво спросил Брутто, оглядывая монструозную конструкцию.

– Где? – удивлённо переспросил Ленни, разводя руками.

– Блин, да вот, огромная деревенская штука перед рынком! – Брутто тыкал пальцем через лобовое окно.

– А это что? Да хрен знает, я в первый раз на неё внимание обратил, – кинул Ленни и отвернул голову куда-то вдаль.

– Да как так-то? Ты же тут всю жизнь живёшь, она же гигантская! – Брутто удивился пуще прежнего. Эта арка была, наверное, размером с Бранденбургские ворота, и не заметить её в такой глуши – это нечто сверхъестественное.

– Ой, ты умный такой! Ты думаешь, кому-то есть дело до этой арки? Пройдись и посмотри.

И Брутто оглянулся: толпы тянулись вереницей через эту арку, не поднимая глаз и не разгибая спину. Сгорбленные и сутулые были как дети, так и собаки, что волочились за этой тол-

пой. Мало того, казалось, что вслед за этой толпой горбились и травинки, и деревья – всё склонялось к земле. Казалась, эта толпа была единым зверем, исполинским змеем, который протягивался через всю деревню прямо к рынку. Толпа была поразительно огромной, такая, что их масса тел просто закрывала собой дорогу. Людские потоки словно растворялись в местном антураже, как кружившаяся пыль и стойкий запах ладана.

– Ух, сколько тут народу, конечно, живёт!

– «Живёт» – не самое лучшее слово, а так да, тут гораздо больше людей, чем кажется несмотря на то, что это край света, по сути.

Подхватил разговор подошедший Олег. Он подходил с походкой уверенного в себе человека, статно шаг за шагом, выверенно и по-королевски улыбаясь между фразами.

– О, здорово! Ну, наконец!

Заулыбался Ленни, протягивая руку.

– Смотрите!

Шепотом, по-детски, сказал Брутто, вытаращив свои глаза. Рядом с машиной проносили нелепо покрашенный эмалированной черной краской деревянный гроб, который несли несколько человек в робах, за которыми в черных рясах шли, видимо, плакальщицы – двенадцать странных женщин с крупными медальонами на груди, сияющими на солнце. Впереди же этой траурной процессии шел поп, яростно и страстно размахивая кадилом, описывая концентрические круги. «Упокой душу раба божьего Симеона», – произносил он с неподдельным удовольствием, умело мелодично вытягивая слова, несмотря на монотонность и низкий грудной бас, с которым он пропевал буквы каждого слова. Поп был человеком статным, высоким и плечистым, что выдавало в нём спортсмена, но то, что спорт был давно заброшен, как и всё вокруг, демонстрировал выпирающий массивный живот.

– Ого, старый волк умер всё-таки, – с некоторой горечью и осторожностью в голосе произнёс Ленни.

– А кто это? – вновь, несколько по-детски, спросил Брутто.

– Да, старый дед был такой, жил на Денницкой, лет сто ему было вроде, лютый тип, до жути пугал всех. Бррр.

И Ленни не шутил: услышав имя Симеона, толпа на секунду замерла, и в воздухе образовалось народное «Эх» – смесь облегчения с горечью.

– Ого!

– Почётный член города, как-никак, лютый тип был, такой у него взгляд до дрожи.

– А зачем его гроб тащат по улицам? – искренне недоумевал Брутто, театрально разводя руками.

– Да тут такая традиция, к церкви тащат на Мамонтовской, типа должен пройти через ворота, попрощаться с селом и всё такое. Всё-таки мы тут живём, никак в других местах, есть свои традиции.

Несмотря на местечковый колорит, процессия получилась торжественной. Брутто, как городскому жителю, такое видеть вообще доводилось впервые. Чтобы гроб с человеком несли через ворота города – это, конечно, нечто невообразимое. Эта казавшаяся нерушимой селевая толпа, из огромного змея, быстро расступилась, повинуясь старым традициям, но как только поп прошёл сквозь неё, она также быстро выправилась и полилась дальше к рынку, беря привычный темп. Вся, кроме одного: один старик, сутулый и сгорбленный, в каких-то странных лохмотьях, сделанных будто из мха и кусков земли, соединённых ветками, с дряхлой ветошью, как с посохом, встал по середине арке, махая и крича.

– Стойте, ироды! Что ж вы тв**о**рите? Ему там быти нельзя!

По-библейски произнёс он, однако старческий скрипучий и излишне высоковатый голос портил впечатление. Брутто, Ленни и Олег неотрывно смотрели на развязавшуюся перед ними мизансцену.

– О, Господи! Сколько ж можно! Ты мне каждый раз похороны срывать будешь, мудак ты этакий!

По-простецки басом и в сердцах ответил ему разочарованный поп.

– Окриши очи, клирик! Не зришь ли бесов при сей вратах? Куда ж ты его? Куда ж ты его гребёшь? Невозможно ему тут быти, ибо был человек достоин!

– Я же тебе даже показывал постановление ещё советское, что ворота эти – культурное наследие, к дьяволу отношения не имеют! Пшел прочь, вошь, обратно в свои болота промозглые!

Разочарованно произнёс он.

– Яко веление? Ты глядишь на явное, но ничто не зришь! Ты слеп! Фарисей!

– Это кто Фарисей? Я фарисей? Ах ты, сука! Достал, ей-богу! А ну, пшел прочь, бомжара!

И поп махнул кадилом на него так, что горячее масло из лампады обожгло старику глаза.

– Ослеп! Ослеп!

Истошно закричал старик.

Пока он валялся в песке и корчился от боли, процессия прошла дальше, а поп, заулыбавшись ещё пуще прежнего, стал махать кадилом так, что люди стали раступаться перед ним, и не зря.

– И часто тут такое?

Усмехаясь, спросил Брутто.

– Да это местный сумасшедший, живёт в лесу. Вообще он редко за кого-то вписывается, а сегодня что-то особенно бойкий, видимо, с возрастом крыша совсем течёт.

– Или нашёл полянку грибов. Тут такое часто бывает. Вот давеча два мужика, белых как смерть, бегали голые по всей деревне, думали, признаки. А потом, когда окочурились, стали выяснять, что да, как и нашли у них в бытовке мухоморную фабрику. В общем, объелись белены, и всё – кранты.

– Произнес подошедший, наконец, Корнелиус, параллельно здороваясь со всеми.

– Жесть, у вас тут движуха, конечно, такая! Может, ему помочь?

– Ничего с ним не будет, вот он уже обратно в лес ковыляет, провалил свою миссию, инок!

Гробовая процессия наконец вошла в арку и раздвинула людские реки, однако не встревожила их сильно. Они всё так же шли единым неорганизованным строем, а заклинания попа смешивались с шумом толпы, и потихоньку сама процессия растворилась среди утренних зевак. Всё вернулось на привычные места, подобно тому, как смерть становится частью жизни.

Все, да не все, казалось бы, явление обычное, но так оно разительно отличалось от всего, что бросилось Брутто в глаза. Одна девушка встала как соленной столб, будучи в толпе, она словно находилось в невидимом, но четко очерченным белым кругу, отделяясь от всех вокруг. Выглядела она чудесно: белый полупрозрачный хитон едва мог скрыть её прелестные формы, а кончики тёмных волос виднелись из-под платка. Фигура её тотчас же приковала Брутто к себе, породив внутри него жгучесть, переходящий в нелепую суету, он захотел овладеть её, сорваться с цепи и прорезав толпу повалить её наземь. Девушка смотрела то на гроб, то на солнце, вертляв шеей, пока резко не обернулась и не посмотрела Брутто прямо в глаза. Её взгляд был совсем не тем, что он хотел видеть; его одернуло. Её глазницы были почти пусты, её лицо было неказистое и неухоженной, нелепой; её определённо красивое детское лицо было искажено собственными внутренностями. И, наконец, он впервые что-то почувствовал после того дня «темные коридоры… подножка… тень….и вот призрак».

– Ну что, досмотрели своё кино? Погнали, уже 6 утра, а договорились в 6 там быть.

– Ща, два часа ещё подождём, пока Брутто на телок попялится!

Недовольный Ленни посмотрел на Корнелиуса и Олега, которые любили поспать подольше и изрядно опоздали. Машина тронулась

Дом странного заказчика находился на опушке леса, чуть поодаль от деревенской застройки, в низине. В Бабелевском СНТ, помимо его дома, стояли только заброшки и бедняцкие лачуги. Его дом – причудливое сооружение, не иначе, словно его мастерил неживой человек, а нейросеть, нахватавшаяся картин французских и немецких средневековых замков, которой дали деньги, сэкономленные на обедах в школьных столовых, с целью построить это в воплощение. Чудо строительной техники, тут успели поработать все местные бригады, от мала до велика.

Вскоре вышел сам хозяин из ворот, покрытых золотой фольгой, видимо, взятой из каких-нибудь специфических шоколадок Чарли Вонки. Он был низенького роста, с выпирающим животом и напоминал неказистого беременного гоблина с редкими волосами, слабо золотистого, словно выгоревшего на солнце цвета колосьев. Вышел в одних грязных трусах со следами мочи и в майке со следами кофе; майка обтягивала его отвратительное тело, а хитрый щур смотрел из-под лобья с одной лишь мыслью – пресмыкаться или угрожать. Брутто смотрел на него с не прикрываемым презрением – в его голове новостной лентой бегала фраза «раскроить череп», читая насквозь эту несуразную фигурку. Олег сразу подметил, что из небольшого оконца на них смотрел маленький сын Гуруспийского; он был худощавый, с впалыми глазами. Ленни пытался смастерить из своего лица выражение сожаления, жадно посматривая на ворота цвета золота, а Корнелиус вежливо смотрел в небо, делая вид что не пялится на карманы Гуруспийского.

– Ну и что так долго? – сказал он нарочито заниженным голосом, что получалось у него крайне несуразно, и на двух ударениях он дал петуха.

– Извините, мы тут в первый раз и не смогли быстро отыскать дорогу, – начал было оправдываться Ленни, но как только взгляд этого человека столкнулся с Брутто, он как будто обомлел

– Да ладно, господа! Простите, друзья, я не хотел быть строг с вами. Ничего страшного, товарищи, дурная моя башка, плохо объяснил я вам. Граждане, заходите, заходите, я Гуруспийский.

– Я Ленни, это Олег, Брутто и Корнелиус.

Гуруспийский широко размахивал длинными руками, одна из которых была короче другой, и показывал свои чудаковатые хотелки Ленни. В этом доме было всё, кроме души – того, что делает дом живым. Здесь была башня из диснеевского замка, огромный пластиковый фонтан на участке и всё в таком же стиле, из подручных дешёвых материалов. И самое забавное в этом, что Гуруспийский был совсем не бедным человеком; напротив, он успел в своё время своровать столько денег, что мог бы построить тут настоящий Капитолий и при этом не сильно опустошить свой кошелёк. Но алчность не знает границ, и поэтому он экономил на всём подряд.

Пока Гуруспийский вместе с Ленни обсуждали строительство самой высокой башни в деревне, Брутто и остальные мерно распаковывали рабочие инструменты. Брутто, конечно, ничего особо не умел, поэтому его роль сокращалась до грузчика и подносчика, принеси-подайкина. Олег и Корнелиус были более опытными строителями. Когда к ним подошёл Ленни, они все начали гулко спорить о строительстве сегодня невиданного ранее сооружения. Солнце было высоко, и работа начиналась. Брутто на первых порах, конечно, особо в деле не участвовал, бегал муравьём вокруг более умелых товарищей, подносил инструменты, что-то держал и таскал. Тщетно, но старательно стараясь запоминать азы строительного ремесла.

– Ну, сначала сделаем башню из кирпичей, и на кронштейнах закрепим винтовую лестницу снаружи.

– Да не, так не получится, дружище! Нужно сделать усиление внутри башни – столбы, и на них крепить снаружи, иначе всё это рухнет.

– Да ну, прикалываешься? Мы тут ещё сутки будем впаривать, и так нормально, вот он, мелкий, такой, ничего не рухнет!

Башня была необычным объектом. Строить её было сложно, ребята всё чаще ругались между собой, обсуждая техническую специфику. Обычно загородное строительство попроще – заборы, крыши, бани, да простенькие каркасные дома.

– Нельзя просто приварить целую лестницу на прикрученный железный штакетник. Башня кирпичная, она не выдержит веса человека.

– Ну а что ты тогда хочешь? Как ты хочешь? Эта идея зацепить её сверху, чтобы она не опиралась на бока, а на всю конструкцию… Ты дебил, что ли? – рассеянно ответил Ленни.

– Ты сам дебил, следи за языком!

– А что?

– Так ты баран, бо! – вдруг выдал Олег.

– Пайшоў ты ведаеш куды, хахол! – неожиданно ответил Корнелиус.

– Та з ким так розмовляєш, бульбаш? – вмешался в разговор Ленни.

– Мужики, да вы оба дебилы, честно говоря.

– А ти взагалі не лізь, хто тебе питає? Постійно лізеш, просять тебе чи ні!

– Я, вядома, не супраць, що ти залазиш, але права, ми б самі розібралися, Лэні.

Олег не выдержал и первым оттолкнул Корнелиуса, уже собираясь ударить Ленни.

Но Брутто не дал ему этого сделать, он влез посередине между троицей и мирно, спокойно произнёс, останавливая всех ладонями:

– Гайс, гайс, релакс! Нам не нужно ругаться из-за этой ерунды. Давайте просто обсудим это в самом деле. Сейчас разберёмся с этой башней. Я, конечно, не строитель, но чего ругаться из-за мелочей?

Брутто удачно стоял спиной к окну и не видел того, что видели другие ребята. Гуруспийский, видимо, на что-то разозлился и смачно бил своего сына по лицу, совсем не в качестве воспитания или наказания. Он бил его так, как бьют врагов, с жесткостью и наслаждением. Слушая речи Брутто, они смотрели за его спину, прямо в мутные стекла оконцев, которые не мешали им видеть искры, вылетающие из глаз ребенка при каждом увесистом ударе кулаком. Делал он это весел, насвистывая про себя: «Удар, удар… Ещё удар… Опять удар – и вот Борис Буткеев (Краснодар) Проводит апперкот.» Никто не становится строителем по собственной воле, все они прошли через многое, но даже им стало неприятно и мерзко, от такой неоправданной жестокости. В конце концов, каждый из них подумал: «Да хрен бы с ним, пусть она рухнет даже. Если что, ругаться из-за этого – последнее дело».

– Ладно, давайте доделаем это уже поскорее!

Заключил Брутто, под вздохи окружающих.

Пока ребята обсуждали план, приехала газелька с необходимыми стройматериалами. Олег и Брутто пошли разгружать её.

– Ну как ты, воин, успокоился?

– Ха-ха, да не без этого, да он сам виноват.

Всё-таки они пришли к техническому консенсусу, решили использовать все схемы вместе, и, договорившись об этом, дело пошло на лад. Пока Ленни вставлял балки внутри башни, Олег и Корнелиус прикручивали лестницу сверху и устанавливали кронштейны, Брутто бегал внизу, подавая материалы и инструменты, иногда помогая Ленни внутри. Уже ближе к вечеру стало понятно, что сегодня они должны успеть закончить самую высокую башню, и им ничего не было страшно. Колокол церкви вдалеке зловеще отрубил вечерний звон. В этот момент появился Гуруспийский.

– Эко, вы быстро, конечно, ребята!

На его кулаке ещё осталась кровь, а с лица не сходила блаженная улыбка. Брутто удивился, а у Ленни сжались губы. Олег лишь неудовлетворённо покачал головой.

– Ну да, сегодня уже закончим.

– Это да, явно успеете. Даже не рассчитывал, что так быстро. Легко это дело оказалось, я смотрю.

Задумчиво произнес он и продолжил

– Как насчёт скидки всё-таки?

Гуруспийский нарочито смотрел только на Ленни. По-своему он был интересным человеком: вот смотришь на него и думаешь: «Чмо-чмом». По всему списку, как же он дожил до своих лет и был ли чуть ли не самым богатым в деревне?

А дьявол кроется в деталях. Гуруспийский сразу вычислил Брутто и в разговоре стоял так, чтобы полностью исключить его вид из пространства вокруг. А на Ленни он начал наседать, тут же определив его как жертву. На дьявола он, конечно, не тянул, а вот за сына его вполне мог сойти.

– Эй, так не пойдет, у нас же договор, всё-таки! – выступил Ленни, несмотря на свой простецкий характер.

– Да вы и опоздали с утра, просто, знаете ли, – грубовато произнёс Гуруспийский.

– Нам платят за сделанную работу, а не по суточно! – вступился агрессивный Олег.

Гуруспийский загадочно развёл руками и вновь ушёл, а ребята изрядно напряглись, перестав строить башню и объявив бессрочный перекур до выяснения обстоятельств. Словно ежи, они сидели вокруг своего скраба и курили одну за другой, мрачные и опечаленные.

– Кинет, сука! – дёргано произнёс Ленни.

– Кинет, сожжём дом! – зловеще произнёс Олег.

Брутто молчал, ему было обидно, и он пал духом. Первый же заказ и настоящее кидалово. Живот подло урчал, напоминая хозяину о своём существовании, а золото забора завистливо мозолило глаза. Он уже думал украдкой что-то вынести из этого чахлого царства. Корнелиус же с явными намерениями бродил по участку, а Ленни сидел подавленным.

Гуруспийский, при всех своих недостатках, не был дураком и понимал, что такие вертлявые движения с его стороны в этом случае не останутся безнаказанными. Видимо, поэтому вскоре вышла молодая жена Гуруспийского загорать в сад в одном тонком прозрачном халатике. Она щеголяла прямо на глазах у рабочих, которые украдкой переглядывались. Наконец, она распахнула халат, полностью голая, легла на шезлонг, поглядывая и улыбаясь на рабочих. Дух перехватило у всех, Брутто замешкался вместе с ними: в голове его быстро проигралась грязная сцена, а потом её перебила неприятная пятизначная цифра. После этого он недовольно усмехнулся и в его голове пронеслось «Мерзко».

– Это я так полагаю вместо денег, – недовольно произнёс он.

– О, вот ж, а я-то думал, чёрт! – смущённо почти шепотом проговорил Ленни.

– Ну и ублюдок, конечно! – гневно вторил Олег.

– Да ладно, мужики, не самая плохая идея. Всё-таки мы и вправду опоздали, – разочарованно произнёс Корнелиус.

– Шлюхи дешевле стоят, – подытожил Ленни.

– И что делать теперь? – возник риторический вопрос.

– Момент.

Брутто, испытав все возможные эмоции одновременно, просто налился праведным гневом и резкими шагами подошёл к жене Гуруспийского. Она, извиваясь и улыбаясь, смотрела на него. Развалившись, она валялась на шезлонге, таком же причудливо вычурном, как и всё вокруг, украшенном псевдозолотыми головами то ли львов, то ли драконов. По одному на каждый подлокотник, по одному на каждую из четырёх ножек, и ещё один над её головой. В руках у неё был пластиковый жёлтый стакан.

– Привет, красавчик! Погожий денёк, – улыбнулась она своими гнилыми зубами.

Брутто схватил её за запястье и со злостью выдернул, заставив силой встать, жадно кидая взгляд на её грудь, но больше смотря с ненавистью в её глаза.

– Ты сейчас идёшь к своему мужу и говоришь, чтобы он вынес деньги. Мы доделываем башню и уезжаем. Если он не выйдет через 5 минут, то скажи ему, что я лично сожгу его дом вместе с тобой и с ним заживо. Поняла?

Он ещё сильнее сжал её руку. Гнев и ярость охватили его, и он сам чувствовал себя словно пламя. На её руке остался след, словно ожог.

– Да, – кратко и безмолвно произнесла она. Но совсем без страха: она спокойно отошла от него в сторону дома, а Брутто увидел на её голых бедрах синяки. Он чувствовал, как теряет контроль, что-то прищёлкнуло в нём. Он никогда не был сильно смелым или шибко дерзким, но сейчас он чувствовал, что да, он сделает это и многое другое. Он ещё раз ощутил это чувство: ему нечего терять, у него никого нет, он один в заброшенной глуши, которой и на картах нет. Что ему? Если он погибнет, его посадят или ещё что-то, никто не будет горевать о нём или вспоминать. От этой мысли ему стало легче дышать.

Жена забежала в дом, было слышно, как Гуруспийский возмущённо вскрикнул. Потом он выглянул в окно, а на него сквозь мутное стекло, смотрел тяжёлый и холодный взгляд Брутто, подсвеченный тлением сигареты. Гуруспийский спокойно вышел с деньгами и молча с опущенными глазами передал их Брутто. Ошарашенные ребята молча уставились на эту драматическую сцену. Брутто, получив деньги, медленными шагами с высоко поднятой головой вернулся к своим, усмехаясь уголками губ и размахивая наличностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.